

Новое издание Пушкина.

Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903, Томы I—IV. Подписная цѣна на все изданіе въ 8 т. 12 руб. ¹⁾.

I.

Сочиненія Пушкина—драгоцѣнное достояніе русской литературы. Всякое новое изданіе произведеній великаго нашего поэта, основанное на самостоятельной редакторской работѣ, представляется важнымъ литературнымъ явленіемъ. Такое значеніе принадлежитъ и начавшему недавно выходить изданію Пушкина, редактированному П. А. Ефремовымъ.

За послѣднія пятнадцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ сочиненія Пушкина сдѣлались общественною собственностью, было очень много сдѣлано какъ для удешевленія ихъ изданій, такъ и для распространенія ихъ въ большемъ количествѣ. И дѣйствительно, съ 1887 г. сочиненія Пушкина и въ дешевыхъ полныхъ собраніяхъ, и въ отдѣльныхъ популярныхъ изданіяхъ разошлись во многихъ милліонахъ экземпляровъ. Но если за это время столько было сдѣлано относительно количественнаго распространенія и общедоступности сочиненій Пушкина, то за тотъ же срокъ почти ничего не было сдѣлано для качественного, внутренняго достоинства изданій, почти ничего не было сдѣлано для критическаго исправленія и улучшенія текста сочиненій Пушкина: полныя изданія Пушкина, повторяющіяся часто и въ большемъ количествѣ, не внесли никакого исправленія въ текстъ Пушкина, остались въ лучшемъ случаѣ на уровнѣ 1887 года.

---

¹⁾ Краткій общій отзывъ объ этомъ изданіи Пушкина былъ напечатанъ авторомъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ 1902 г. № 330. Здѣсь статья является въ измѣненномъ и дополненномъ видѣ.

Не входя здѣсь въ оцѣнку изданій Пушкина, вышедшихъ въ 1887 году, я долженъ вкратцѣ напомнить тотъ выводъ, къ которому приводилъ обзоръ этихъ изданій. Всякому изданію сочиненій Пушкина представляется двойная задача: для полноты и точности текста поэта изданіе должно пользоваться подлинными рукописями Пушкина и первопечатнымъ пушкинскимъ текстомъ. Рукописи поэта важны для подведенія вариантовъ, для изученія созданія отдѣльныхъ произведеній и для установленія редакціи тѣхъ сочиненій, которыя были напечатаны не самимъ Пушкинымъ, появились послѣ его смерти. Но такъ какъ большая и лучшая часть произведеній поэта была напечатана еще при его жизни, имъ самимъ, то можно сказать, что изученіе первопечатнаго пушкинскаго текста представляетъ вообще хотя и болѣе, пожалуй, легкую, но и болѣе важную часть задачи.

Когда настало 29 февраля 1887 г., и въ день пятидесятилѣтія кончины поэта, сочиненія его сдѣлались общественнымъ достояніемъ, во множествѣ появились новыя изданія Пушкина, оказалось, что только два изъ нихъ были основаны на самостоятельной редакторской работѣ, при чемъ эти два изданія раздѣлили, такъ сказать, между собою принадлежавшую имъ редакторскую задачу. Одно изъ нихъ, изданіе Литературнаго Фонда подъ редакціей П. О. Морозова, занялось пушкинскими рукописями и на основаніи ихъ оно исправило и дополнило во многомъ пушкинскій текстъ П. О. Морозову,—помимо исправленій, внесенныхъ имъ въ разныя стихотворенія, которыя предшествующими изслѣдователями были прочитаны или съ пропусками, или съ ошибками,—принадлежитъ честь открытія въ одной изъ тетрадей Публичной бібліотеки трехъ новыхъ стихотвореній Пушкина. Однако, уже при самомъ появленіи изданія критика указывала, что оно пользуется рукописнымъ матеріаломъ неполнѣ, точно, недостаточно полно, недостаточно систематично; вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что изданіе это вовсе не занялось печатнымъ пушкинскимъ текстомъ и въ этомъ отношеніи воспользовалось только чужими черепечатками. Напротивъ того, изданіе В. В. Комарова подъ редакціей П. А. Ефремова основывалось на новой самостоятельной свѣркѣ всего подлиннаго печатнаго пушкинскаго текста и на нѣкоторыхъ только рукописяхъ Пушкина, хранившихся въ Публичной бібліотекѣ и въ частныхъ рукахъ; главное собраніе рукописей Пушкина, незадолго до того пожертвованное сыномъ поэта А. А. Пушкинымъ въ Румянцовскій Музей въ Москвѣ, не было непосредственно привлечено П. А. Ефремовымъ къ его изданію. Правда, онъ внимательно воспользовался всѣми многочисленными сообщеніями изъ тѣхъ рукописей, сдѣланными въ „Русскомъ Архивѣ“ и въ „Русской Старинѣ“, а также всѣмъ, что появилось изъ произведеній и писемъ

Пушкина въ печати послѣ 1882 г.; но вмѣстѣ съ тѣмъ, не пользуясь непосредственно рукописями поэта, переданными въ Румянцовскій Музей, изданіе П. А. Ефремова не могло внести въ текстъ, данный журналами, ни поправокъ, ни дополненій. Въ общемъ результатъ два названныхъ изданія сдѣлали шагъ впередъ въ отношеніи точности и полноты текста, но результатъ этотъ былъ всетаки ниже современныхъ требованій и средствъ.

Съ тѣхъ поръ, съ 1887 г. мы не имѣли почти ни одной самостоятельно поставленной работы по редакціи собранія сочиненій Пушкина. Правда, что какъ разъ въ эти года было приступлено къ важному предпріятію, къ изданію Пушкина Академіею Наукъ. Объ этомъ предпріятіи было заявлено именно къ пятидесятилѣтню кончины поэта, но понятно, что оно требовало времени для своего исполненія, и первый томъ академическаго изданія Пушкина вышелъ только къ празднованію столѣтней годовщины рожденія Пушкина, въ 1899 г., подъ редакціей Л. Н. Майкова. Этотъ томъ содержащій въ себѣ лицейскія стихотворенія Пушкина, явился очень важнымъ событіемъ въ исторіи пушкинскаго текста. Академическое изданіе, не смотря на тѣ общія замѣчанія какія дѣлались критикой относительно его плана и системы, несмотря на рядъ отдѣльныхъ частныхъ указаній и поправокъ, внесло крупный вкладъ въ изученіе пушкинскаго текста, въ изученіе пушкинскаго творчества. Оно воспользовалось рукописями Пушкина съ такою систематичностью и съ такою полнотою, какъ этого еще не было ни въ одномъ изъ предшествующихъ изданій. Вскорѣ послѣдовавшая затѣмъ кончина Л. Н. Майкова вызвала перерывъ въ изданіи академическаго Пушкина. До сихъ поръ академическое изданіе остановилось на первомъ томѣ (Л. Н. Майковъ успѣлъ выпустить его вторымъ исправленнымъ и отчасти дополненнымъ изданіемъ); недавно только вышелъ очень интересный сборникъ ¹⁾, въ которомъ напечатаны матеріалы, подготовленные покойнымъ Майковымъ для продолженія академическаго изданія Пушкина. Такимъ образомъ за всѣ пятнадцать лѣтъ протекая съ 1887 г., нолгаго не имѣли ни одного въ сущности мы изданія сочиненій Пушкина, которое основывалось бы на самостоятельномъ работѣ редактора: изданій выходило за это время очень много, но все это были перепечатки въ полномъ или сокращенномъ видѣ изданія Литературнаго Фонда или Ефремовскаго изданія 1887 г., а иногда новыя изданія повторяли пушкинскій текстъ по изданію 1882 или даже по изданію 1880 г.; немногія изъ нихъ дѣлали дополненія. Между тѣмъ за эти пятнадцать лѣтъ накопилось

¹⁾ Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ. Спб. 1902 г.

немало новаго матеріала какъ въ видѣ сообщеній въ печати, такъ и въ видѣ подлинныхъ рукописей поэта, поступившихъ въ публичныя собранія или отысканныхъ въ частныхъ рукахъ, — не говоря уже о томъ, что изданія 1887 г. не вполне удовлетворяли тѣмъ требованіямъ которыя и тогда могли быть къ нимъ предъявляемы. Тѣмъ интереснѣе и важнѣе новое изданіе Пушкина, которое только что начало выходить подъ редакціей П. А. Ефремова и заглавіе котораго приведено выше.

II.

П. А. Ефремовъ давно уже работаетъ надъ текстомъ Пушкина, и заслуги его здѣсь очень высоки. Начавъ съ цѣнныхъ замѣчаній и дополненій къ изданію Пушкина 1859 г., г. Ефремовъ въ равное время далъ рядъ замѣтокъ о пушкинскомъ текстѣ, рядъ цѣнныхъ дополненій и исправленій его въ „Голосъ“, „Современномъ Обзорѣнн“, „Новомъ Времени“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, особенно же въ „Русской Старинѣ“. Съ начала шестидесятихъ годовъ г. Ефремовъ принялся за редактированіе различныхъ памятниковъ русской литературы и скоро занялъ выдающееся мѣсто какъ редакторъ изданій русскихъ авторовъ восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣковъ; въ срединѣ семидесятихъ годовъ онъ редактировалъ изданіе „Евгенія Онѣгина“, а затѣмъ въ 1880 г. подъ его редакціей вышло полное собраніе сочиненій Пушкина (изданіе Исакова). Этому изданію принадлежитъ важное мѣсто въ исторіи пушкинскаго текста. Оно провѣрило сочиненія Пушкина по первоизданіямъ, посредствомъ внимательнаго сопоставленія имѣвшихся въ печати указаній установило много неточностей и неясностей въ посмертномъ пушкинскомъ текстѣ и впервые опредѣленно указало на ошибки въ изданіи Анненкова; далѣе, оно привлекло немало рукописей Пушкина, и хранившихся въ Публичной библиотекѣ, и такихъ, которыя находились въ частныхъ рукахъ (самому г. Ефремову принадлежитъ небольшое, но цѣнное собраніе рукописей Пушкина); наконецъ, въ обширныхъ примѣчаніяхъ г. Ефремовъ собралъ много интереснаго матеріала, далъ указанія біографическаго характера, біографическія сопоставленія, немало вариантовъ, черновыхъ набросковъ поэта и пр. Особенно было важно привлеченіе къ изданію рукописей Пушкина изъ частныхъ собраній: многія изъ этихъ рукописей теперь исчезли изъ виду, и ими уже не могъ, напримѣръ, пользоваться Л. Н. Майковъ, такъ что изданіе П. А. Ефремова является теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ первоисточникомъ. Важною заслугою его было также болѣе точное распредѣленіе сочиненій Пушкина по годамъ и въ предѣлахъ одного года. Въ предшествующихъ изданіяхъ былъ довольно

обширный отдѣлъ стихотвореній „неизвѣстныхъ годовъ“, а г. Ефремовъ сумѣлъ распредѣлить эти стихотворенія, на основаніи тѣхъ или другихъ данныхъ, по годамъ; если вполнѣдствіи здѣсь оказались нужны нѣкоторыя поправки и перемѣщенія, если и до сихъ поръ не все можетъ быть признано безспорнымъ и рѣшеннымъ въ хронологіи пушкинскихъ произведеній, то въ общемъ хронологія установленная г. Ефремовымъ, явилась основательною и устойчивою. Важною заслугою изданія 1880 г. было также опредѣленіе очень немалочисленныхъ псевдо-пушкинскихъ стихотвореній, печатавшихся до того съ именемъ Пушкина и вносившихся въ собраніе его сочиненій. Особенностью изданія 1880 г. было возвращеніе къ общему хронологическому распредѣленію стихотвореній Пушкина; такое распредѣленіе ввелъ самъ поэтъ въ послѣднее собраніе своихъ сочиненій, сдѣланное имъ самимъ, но потомъ хронологическое распредѣленіе было, опять замѣнено распредѣленіемъ по родамъ, отдѣленіемъ мелкихъ произведеній отъ крупныхъ.

Въ 1882 г. вышло новое собраніе сочиненій Пушкина подъ редакціей П. А. Евремова (изданіе Анскаго). Всѣ указанныя выше достоинства изданія 1880 г. повторились и въ новомъ изданіи, которое, однако, вовсе не было простымъ повтореніемъ предыдущаго и явилось результатомъ новой редакторской работы. Особою заслугой изданія 1882 г. было прибавленіе отдѣльнаго тома переписки Пушкина: интересные и важныя письма Пушкина были разсѣяны по разнымъ изданіямъ и собраніе ихъ воедино было дѣломъ не легкимъ и особенно полезнымъ.

Выше я только что говорилъ объ изданіи Пушкина 1887 г. подъ редакціей г. Ефремова. Хотя это изданіе и не пользовалось рукописями поэта, хранящимися въ Румянцовскомъ музеѣ, но оно основывалось на внимательномъ изученіи всего, что передъ тѣмъ дано было въ журналахъ изъ рукописей поэта, и въ общемъ итогъ оно внесло въ пушкинскій текстъ много существенныхъ поправокъ; по полнотѣ и точности текста оно менѣе отличалось отъ изданія Литературнаго Фонда, чѣмъ оба они отличались отъ изданія 1882 г. Существеннымъ его недостаткомъ было отсутствіе въ немъ примѣчаній редактора.

Начатое теперь г. Ефремовымъ новое изданіе сочиненій Пушкина представляется опять важнымъ и интереснымъ, основной пушкинскій текстъ свѣренъ вновь съ первоизданіями, что дало возможность устранить нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ прежнія изданія. Въ данномъ случаѣ г. Ефремовъ сдѣлалъ еще одно важное нововведеніе: для всего текста, напечатаннаго самимъ поэтомъ, редакторъ возстановилъ пушкинское правописаніе. Отличія этого правописанія не такъ велики, чтобы они мѣшали чтенію, а между тѣмъ

точное воспроизведеніе подлинной пушкинской орфографіи иногда важно для сохраненія особенностей языка, говора, оно необходимо для того, чтобы редакторъ не рѣшалъ произвольно вопроса объ отношеніи между словами или предложеніями. Здѣсь важно и сохраненіе особенностей въ разстановкѣ знаковъ, такъ какъ у Пушкина пунктуация сообщаетъ иной разъ особое значеніе выраженію его мыслей, отражаютъ характерное теченіе рѣчи, какое придано ей поэтомъ; перемѣна пунктуации на обычную теперь можетъ приводить къ навязыванію Пушкину такого смысла его словъ, какого онъ вовсе и не имѣлъ въ виду. Сохраненіе орфографіи Пушкина является непремѣннымъ требованіемъ для критическаго научнаго изданія его твореній, но сохраненіе ея полезно и въ такомъ изданіи, какъ новое изданіе г. Ефремова, т. е. рассчитаннымъ на широкую публику. Пусть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чтеніе сочиненій Пушкина, благодаря особенностямъ его орфографіи, задержитъ нѣсколько читателя и заставитъ его немного подумывать надъ выясненіемъ смысла, какой поэтъ придавалъ своимъ словамъ; это будетъ гораздо лучше, чѣмъ если редакторъ, измѣнивъ по своему правописанію и разстановку знаковъ, дастъ читателю свое опредѣленное толкованіе и закроетъ всякую возможность иного пониманія текста.

Новое изданіе сочиненій Пушкина воспользовалось всѣмъ обильнымъ матеріаломъ, который накопился въ печати за послѣднія пятнадцать лѣтъ. При просмотрѣ вышедшихъ томовъ я не замѣтилъ пропусковъ въ этомъ отношеніи. Редакторъ объясняетъ въ началѣ своего предисловія, что онъ старался собрать въ изданіи все появившееся до сихъ поръ въ печати съ именемъ Пушкина и достоверно-ему принадлежащее. Въ новомъ изданіи отсутствуютъ, правда, нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, которыя были въ прежнихъ изданіяхъ П. А. Ефремова и даже отчасти были внесены именно имъ, но мы ихъ найдемъ въ послѣднемъ томѣ, гдѣ будутъ сосредоточены примѣчанія ко всему изданію; въ примѣчанія отнесены, какъ объясняется въ предисловіи, всѣ стихотворенія принадлежность которыхъ Пушкину не можетъ быть установлена съ полною точностью; среди пропущенныхъ стихотвореній есть такія, которыя несомнѣнно принадлежатъ Пушкину, и отнесеніе которыхъ въ примѣчанія вызвано, очевидно, какими-то иными соображеніями, которыя въ предисловіи почему то не оговорены. Надо замѣтить, что вообще предисловіе недостаточно выясняетъ весь планъ изданія, такъ что о немъ вполне можно будетъ судить только по выходѣ всѣхъ томовъ, особенно по указаніямъ и объясненіямъ, которыя мы должны найти въ восьмомъ томѣ, гдѣ будутъ примѣчанія.

Между прочимъ предисловіе недостаточно ясно показываетъ также и отношеніе изданія къ пользованію рукописямъ. Оно оговариваетъ между прочимъ тутъ, что редакторъ пользуется тетрадью Анненкова, въ которую покойный издатель Пушкина сдѣлалъ выписки изъ подлинныхъ рукописей поэта, при чемъ часть этихъ рукописей уже исчезла и не поступила въ Румянцовскій музей, а кромѣ того чтеніе Анненкова, иногда представляется болѣе правильнымъ чѣмъ чтеніе послѣдующихъ изслѣдователей. Опять таки судить о значеніи этой тетради Анненкова можно будетъ лишь послѣ того, какъ появятся примѣчанія въ VIII томѣ, а пока мы просто не знаемъ, что именно взято изъ этой тетради новымъ изданіемъ. Теперь мы можемъ только сказать, что въ текстъ Пушкина, т. е. главнымъ образомъ въ черновые его наброски, новое изданіе внесло не мало поправокъ, но остается неизвѣстнымъ, на основаніи какихъ именно источниковъ сдѣланы эти поправки. Во всякомъ случаѣ можно еще сказать, что новое изданіе вовсе не задавалось цѣлью исчерпать весь черновой матеріалъ, какой заключается въ тетрадяхъ поэта. Работа Майкова надъ лицейскими стихотвореніями показала, какой обширный и цѣнный матеріалъ до сихъ поръ не использованный, заключаетъ въ себѣ тетради Пушкина; тоже показалъ и вышедшій недавно сборникъ матеріаловъ Майкова: несомнѣнно, что и за болѣе поздніе годы тетради Пушкина заключаютъ не меньше данныхъ для исправленія и дополненія текста Пушкина, для разъясненія исторіи его творчества. Новое изданіе, очевидно, не ставило себѣ задачей использовать весь этотъ матеріалъ. Но такое ограниченіе задачи вовсе не лишаетъ его важнаго значенія. Припомнимъ, что и въ 1887 г. изданіе, редактированное тогда г. Ефремовымъ, основывалось лишь на работѣ надъ печатнымъ текстомъ, а изданіе г. Морозова было въ то же время самостоятельно лишь въ пользованіи рукописями. Если бы новое изданіе задалось только цѣлью соединить результаты той и другой работы 1887 г., воспользоваться изданіемъ г. Морозова, а затѣмъ дополнить пушкинскій текстъ всѣмъ, что появилось въ печати съ 1887 г., то и эта задача была бы очень важна. Такъ новое изданіе и дѣлаетъ: оно основываясь на новомъ пересмотрѣ всего подлиннаго пушкинскаго печатнаго текста, даетъ все, что появилось въ печати съ именемъ Пушкина, т. е. и то, что представилъ новаго въ своемъ изданіи г. Морозовъ и то, что появилось послѣ 1887 г. Но, изданіе новое не ограничивается этимъ и дѣлаетъ немало исправленій и отчасти дополненій по рукописямъ, которыя были доступны редактору: такія поправки встрѣчаются въ изданіи очень нерѣдко. Вотъ какъ выясняются задачи и средства изданія, вотъ чѣмъ опредѣляется его значеніе. Несомнѣнно, что новое изданіе далеко прево-

сходить всѣ предъидущія какъ по своей полнотѣ, такъ и по исправности текста. Въ будущемъ, при дальнѣйшихъ работахъ надъ черновыми тетрадами поэта текстъ сочиненій Пушкина долженъ будетъ получить немало дополненій и исправленій, но это не умаляетъ значенія изданія, которое теперь даетъ намъ текстъ Пушкина въ возможно полномъ и точномъ видѣ. Мы должны оцѣнивать новое изданіе въ предѣлахъ задачи, какую оно себѣ поставило, и здѣсь нельзя не быть благодарными редактору за предпринятый имъ трудъ, который въ результатѣ даетъ намъ не только весь пушкинскій текстъ, какъ онъ доселѣ извѣстенъ въ печати, но и дѣлаетъ въ немъ значительныя исправленія по тѣмъ источникамъ, которые были доступны редактору.

III.

Какъ уже сказано, до появленія восьмага тома съ примѣчаніями нельзя судить объ отдѣльныхъ мѣстахъ изданія, о различныхъ подробностяхъ какъ редакціи текста, такъ и размѣщенія произведеній поэта въ хронологическомъ порядкѣ. Мы замѣчаемъ нѣкоторыя особенности изданія въ томъ и въ другомъ отношеніи, нѣкоторыя его „новшества“, но безъ тѣхъ указаній, которыя будутъ въ примѣчаніяхъ, мы не можемъ судить о значеніи, объ основаніяхъ этихъ перемѣнъ, этихъ нововведеній. Однако и теперь уже можно остановиться на многихъ частностяхъ которыя выдвинуты самимъ редакторомъ въ его предисловіи. Говоря о своемъ отношеніи къ труду Майкова по изданію лицейскихъ стихотвореній Пушкина, г. Ефремовъ указываетъ на нѣсколько случаевъ своего несогласія съ тою редакціей, какую въ извѣстномъ стихотвореніи установилъ покойный академикъ, и указываетъ основанія для своего мнѣнія. Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность судить объ этихъ случаяхъ разногласія между двумя изслѣдователями пушкинскаго текста. Кромѣ того я считаю нужнымъ остановиться еще на нѣсколькихъ вопросахъ по редакціи текста и по хронологіи произведеній Пушкина, именно на тѣхъ вопросахъ, который затронулъ г. Библиофилъ въ рецензіи на новое изданіе Пушкина, непечатанной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (190 г., 12 ноября) ¹⁾.

Свое отношеніе къ первому тому академическаго Пушкина новое изданіе опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ

¹⁾ Останавливаться я буду только на указаніяхъ г. Библиофила о Пушкинскихъ текстѣ и хронологіи и не буду касаться его общихъ замѣчаній о новомъ изданіи и о прежнихъ изданіяхъ подъ редакціей П. А. Ефремова. Кромѣ сказаннаго мною выше, эти замѣчанія вполнѣ опровергаются тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ работой г. Ефремова пользовались Майковъ и въ особенности г. Морозовъ.

предисловія: „Порядокъ печатанія лицейскихъ стихотвореній мы оставили установленный Майковымъ во 2-мъ академическомъ изданіи, но самый текстъ этихъ стихотвореній очень во многихъ мѣстахъ измѣненъ нами на основаніи рукописей и достовѣрныхъ списковъ, такъ какъ Майковъ изъ непонятнаго предпочтенія первоначальнаго напечатанія не только основательнымъ поправкамъ послѣдующихъ изданій, но даже и рукописямъ, нерѣдко допускалъ въ текстѣ явныя ошибки“. Итакъ, г. Ефремовъ слѣдовалъ Майкову въ хронологіи, но во многомъ исправлялъ его текстъ.

Остановимся на первомъ. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ г. Библиофилъ осуждаетъ П. А. Ефремова за то, что онъ „безъ всякихъ возраженій принимаетъ хронологическій порядокъ, установленный покойнымъ академикомъ“. И далѣе г. Библиофилъ указываетъ на отдѣльные неточности въ хронологическомъ распорядкѣ произведеній Пушкина у Майкова. Я вполне присоединяюсь къ общему замѣчанію г. Библиофила, но совсѣмъ по другимъ основаніямъ. Приведенные имъ примѣры ошибокъ Майкова при распредѣленіи по годамъ пьесъ Пушкина, какъ мы увидимъ дальше, далеко не убѣдительны. Совсѣмъ иныя причины требовали извѣстной критической оцѣнки Майковскаго распредѣленія: я имѣю въ виду распредѣленія пьесъ не по годамъ, а внутри каждаго года, распредѣленіе, которое по возможности должно быть также хронологическое. Въ своихъ прежнихъ изданіяхъ самъ г. Ефремовъ очень много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, и его работой пользовался и Майковъ. Но вотъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перваго изданія первый томъ академическаго Пушкина выходитъ вторымъ изданіемъ, и въ этомъ второмъ изданіи Майковъ во многомъ измѣнилъ расположеніе стихотвореній (въ предѣлахъ года). Отъ чего зависѣла эта перемѣна, какія новыя данныя оказались за этотъ краткій промежутокъ времени въ распоряженіи редактора?

Въ своихъ замѣчаніяхъ Майковъ ничѣмъ не объяснилъ произведенныя имъ перемѣненія. Разъ новое изданіе рѣшило принять распредѣленіе лицейскихъ стихотвореній Пушкина изъ изданія Майкова, оно должно было бы остановиться на оцѣнкѣ той разницы въ этомъ распредѣленіи, какая замѣчается между первымъ и вторымъ изданіемъ Академическаго Пушкина.

Обращаемся къ отдѣльнымъ замѣчаніямъ П. А. Ефремова относительно Академическаго изданія. Предисловіе къ новому изданію прежде всего указываетъ на стихотвореніе „Слеза“ и укоряетъ Академическое изданіе за повтореніе въ одномъ стихѣ „опечатки“ изъ Мнемозины. Библиофилъ (останавливающийся на этомъ замѣчаніи г. Ефремова) высказывается за текстъ Мнемозины, но, думается, основанія, приведенныя въ примѣчаніяхъ Майкова, должны заставлять

предпочитать болѣе позднія редакціи, считается съ поправками, которыя начаты Пушкинымъ, хотя и не были имъ кончены. Думается также, что при такомъ взглядѣ на текстъ правильнѣе было не брать редакціи спорнаго страха изъ Мнемозины, и тутъ г. Ефремовъ имѣлъ основаніе сдѣлать свое замѣчаніе, хотя текстъ Мнемозины даетъ здѣсь не опечатку, а вариантъ.

Въ стихотвореніи „Опытность“ Майковъ далъ первоначальный текстъ „Вѣстника Европы“, назвавъ въ примѣчаніяхъ поправки позднѣйшихъ издателей (начиная со второго изданія Геннади) произвольными. П. А. Ефремовъ возражаетъ, что эти поправки взяты изъ тетради Корфа, но такъ какъ это не оговорено редакторами, Майковъ былъ правъ, предпочитая первопечатный текстъ. Точно такъ же нѣтъ основаній предпочитать для Романса („Подъ вечеръ осенью ненастной“) приводимый Анненковымъ писарскій текстъ въ тетради 1826 г., зачеркнутый Пушкинымъ, тому тексту, который былъ напечатанъ въ „Памятникъ Отечественныхъ Музъ“ 1827 г.

Во второмъ посланіи къ Галичу Майковъ сохранилъ опять первопечатный текстъ, не принявъ въ него двухъ поправокъ, которыя были даны Г. Ефремовымъ,—одна въ изданіи 1880 г., другая въ изданіи 1882 г. Обѣ эти поправки имѣютъ многое за себя, но всетаки Майковъ не могъ, по системѣ имъ принятой, водить ихъ въ текстъ, но онъ долженъ бы оговорить ихъ въ примѣчаніяхъ, чего однако не сдѣлалъ. Указываемая ошибка у Майкова въ стихахъ къ баронессѣ Дельвигъ должна быть объяснена просто опечаткой. Для полноты упомянемъ и указаніе на то, что въ „Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ“ Майковъ печатаетъ: „Въ кругу друзей *твоихъ*“, когда въ приложенномъ тутъ же снимкѣ съ автографа читается: „Въ кругу друзей *своихъ*“... Г. Библиофилъ совершенно правильно замѣтилъ, что Майковъ печаталъ текстъ не по автографу, а по Россійскому Музеуму и такъ какъ автографъ онъ признавалъ редакціей предшествующей печатному тексту журнала. Но при этомъ надо оговорить, что автографъ приложенъ въ академическомъ изданіи не на мѣстѣ: его надо было помѣстить въ примѣчаніяхъ, гдѣ изъ него приводятся варианты, а онъ помѣщенъ при текстѣ, что и вводитъ легко читателя въ заблужденіе, тѣмъ болѣе, что по системѣ изложенія примѣчаній въ академическомъ изданіи надо искать указаній, какая редакція дается въ текстѣ изданія. Замѣтимъ также и то, что по досадной ошибкѣ при версткѣ три послѣднихъ варианта изъ этого автографа (въ томъ числѣ и тотъ, о которомъ идетъ рѣчь) попали во второмъ академическомъ изданіи не на свое мѣсто, вмѣсто 92 стр. на страницю 90 и помѣщены съ вариантами совсѣмъ другой рукописи.

Предисловіе новаго изданія указываетъ на то, что и въ разстановкѣ знаковъ препинанія Майковъ строго слѣдовалъ первопечатнымъ текстамъ, хотя иногда въ этихъ текстахъ печатавшихся подъ наблюдениемъ безграмотнаго корректора, могутъ оказываться опечатки. Въ доказательство приводятся два случая: въ стихотвореніи „Блаженство“ говорится о томъ, какъ „пѣлъ влюбленный пастушокъ“, а сатира „за кустами притаившись, Слушалъ пѣсенки ночной, Въ ладъ качая головой“. Такъ напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1814 г., гдѣ эти стихи явились впервые, такъ и перепечатавались во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ Анненковскаго, въ томъ числѣ въ трехъ Ефремовскихъ изданіяхъ — 1880, 1882 и 1887 г.; такъ повторены эти стихи и въ академическомъ изданіи. Въ приведенныхъ стихахъ оказывается неупотребительная теперь конструкція: слушать съ родительнымъ падежемъ. Новое издание вноситъ, слѣдуя, кажется, указанію В. А. Брюсова, поправку: оно послѣ слова „слушалъ“ ставитъ запятую, а слова „пѣсенки ночной“ относитъ къ словамъ „въ ладъ“. Съ удобствомъ такой поправки можно соглашаться или не соглашаться, но ее никакъ нельзя признать необходимой, такъ какъ Пушкинъ въ 1814 г. вполне могъ употребить старо-литературную конструкцію. Другой примѣръ такой же поправки въ разстановкѣ знаковъ препинанія. Пьеса „Пирующие студенты“ въ послѣднихъ строкахъ заключаетъ обращеніе къ Кюхельбекеру. Поэтъ говоритъ ему: „Писатель! за свои грѣхи Ты съ виду всѣхъ трезвѣ“. Такъ эти два стиха печатались во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ посмертнаго (тутъ пьеса эта появилась впервые) и кончая изданіями 1887 г. (включая въ то число опять три Ефремовскихъ изданія); такъ эти стихи напечатаны и въ академическомъ изданіи. Теперь въ новомъ изданіи П. А. Ефремовъ вноситъ такую поправку: „Писатель за свои грѣхи, Ты съ виду всѣхъ трезвѣ!“ Отъ такого переноса запятой мѣняется смыслъ стиховъ, и Кюхельбекеръ называется „писателемъ за свои грѣхи“. Опять таки можно быть того или другого мнѣнія о предложенной поправкѣ, но, вопреки заявленію г. Библиофила, надо сказать, что эта поправка имѣетъ основанія въ рукописи. Дѣйствительно, какъ указалъ г. Библиофилъ, въ автографѣ, хранящемся въ Пушкинскомъ музеѣ Александровскаго лица (см. брошюру: „Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина“), нѣтъ вовсе знаковъ въ двухъ стихахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, но за то въ рукописи Румянцевскаго Музея (повидимому не автографъ), которую Майковъ и призналъ наиболѣе важной, мы находимъ:

Писатель за свои грѣхи,
Ты съ виду всѣхъ трезвѣ;

т. е. эта рукопись именно даетъ чтеніе, которое принято г. Ефремовымъ въ новомъ изданіи.

Послѣднее замѣчаніе, которое дѣлаетъ въ своемъ предисловіи П. А. Ефремовъ по поводу академическаго изданія относится до перваго дошедшаго до насъ стихотворенія Пушкина 1812 г. — „Пѣсня („О, Делія драгая“). Майковъ напечаталъ это стихотвореніе по рукописи, которую г. Ефремовъ съ полнымъ основаніемъ признаетъ только копіей, тогда какъ подлинная рукопись подарена была Я. К. Гротомъ въ Пражскій Музей, гдѣ и хранится.

Вотъ и всѣ замѣчанія по поводу 1-го тома академическаго Пушкина, высказанныя въ предисловіи къ новому изданію. Мы видимъ, что эти замѣчанія разнаго значенія: иногда они указываютъ на дѣйствительную ошибку Л. Н. Майкова, иногда говорятъ только о пропускѣ съ его стороны, а въ общемъ они основываются на различіяхъ въ методахъ, примѣненныхъ покойнымъ Майковымъ и редакторомъ новаго изданія. Большая часть этихъ замѣчаній сводится къ тому, что Майковъ строго держался первопечатныхъ текстовъ, гдѣ не было авторитетнаго, болѣе поздняго автографа, а новое изданіе не признаетъ такого безусловнаго значенія за первопечатнымъ текстомъ, если онъ не былъ напечатанъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ поэта, и вносить въ такой текстъ исправленія иногда по копіямъ, иногда даже просто на основаніи критики текста. Несомнѣнно эти приемы исправленія имѣютъ свое значеніе, но то предпочтеніе, какое даетъ имъ новое изданіе зависитъ отъ самаго характера его: новое изданіе есть изданіе рассчитанное на большую публику, тогда какъ изданіе академическое по своему характеру не могло не держаться извѣстныхъ систематическихъ требованій, не могло не смотрѣть иначе на значеніе первопечатныхъ текстовъ, не могло не относиться строже къ поправкамъ по спискамъ или на основаніи критики текста. Такимъ образомъ, разногласія между двумя изданіями, нами выше разсмотрѣнными, зависятъ главнымъ образомъ отъ различія въ системахъ и въ характерѣ изданій.

IV.

Обращаемся къ указаніямъ по хронологіи и по тексту Пушкинскихъ произведеній, сдѣланнымъ въ упомянутой выше рецензіи г. Библіофила въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Значительная часть этихъ замѣчаній, о которыхъ мы будемъ говорить теперь, основывается на данныхъ, извлеченныхъ изъ бумагъ поэта, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ, отчасти въ Публичной бібліотекѣ. Строго говоря, эти замѣчанія не могутъ быть признаны направленными противъ г. Ефремова и его новаго изданія. Мы видѣли уже выше, что хотя г. Ефремовъ и пользуется различ-

ными рукописями и даетъ немало поправокъ Пушкинскаго текста, но онъ, очевидно, не занимался московскими рукописями для систематическаго ихъ использования. Поэтому замѣчанія г. Библиофила, основанныя на этихъ рукописяхъ, являются возраженіями не противъ П. А. Ефремова, а скорѣе противъ Майкова (въ предѣлахъ Лицейскихъ стихотвореній) и еще болѣе противъ П. О. Морозова, редактировавшаго изданіе Литературнаго Фонда. Повидимому, г. Библиофилъ старается мягко отзываться о г. Морозовѣ, дѣлаетъ нѣсколько лестныхъ замѣчаній объ изданіи Литературнаго Фонда, признавая его единственнымъ по полнотѣ и относительной точности и пр. Однако, затѣмъ, послѣ этихъ похвалъ, г. Библиофилъ приводитъ рядъ случаевъ, въ которыхъ онъ замѣтилъ ошибки г. Морозова. Онъ даже утверждаетъ, будто достаточно лишь „пересмотрѣть“ рукописи, чтобы не только немедленно замѣтить ошибки г. Морозова, но даже и исправить ихъ сразу. Мнѣ въ свое время приходилось уже указывать на недостатки въ приѣмахъ и системѣ, которые употребилъ г. Морозовъ при пользованіи Пушкинскими рукописями, но на этотъ разъ я принужденъ выступить на его защиту. Какъ увидимъ, многія изъ обвиненій, которыя предъявляетъ г. Библиофилъ, сказываются недостаточно обоснованными.

Какъ выше я слѣдилъ за всѣми замѣчаніями г. Ефремова на 1-й томъ академическаго изданія, такъ и теперь приведу одно за другимъ замѣчанія г. Библиофила, изъ которыхъ два первыхъ также относятся къ труду Майкова.

Библиофилъ утверждаетъ, что напрасно Майковъ отнесъ стихотвореніе „Не спрашивай, зачѣмъ унылой душой...“ къ 1817 г. и замѣчаетъ: „Вверху страницы, на которой оно написано, дѣйствительно есть строчка: „Онъ улетѣлъ прекрасный день любви“ (а не *мигъ* любви, какъ напечатано въ академическомъ изданіи) и помѣтка: „27 ноября 1817“; но эта строчка не имѣетъ никакого отношенія къ самому стихотворенію, подъ которымъ непосредственно подписано: „1819, 8 mars. Я человекъ не свободный“. Прибавимъ еще, что тутъ же начинается чернякъ „Платонизма“, написаннаго несомнѣнно въ 1819 году“. Съ приведеннымъ мнѣніемъ г. Библиофила и съ его доводами никакъ нельзя согласиться. Еще Анненковъ на основаніи указаній рукописи отнесъ это стихотвореніе къ 1817 г. Такъ же понялъ помѣты рукописи и Майковъ. Напротивъ того, г. Морозовъ отнесъ стихотвореніе къ 1819 г., вѣроятно на тѣхъ же основаніяхъ, какія выставлены теперь г. Библиофиламъ. Но основанія эти далеко не представляются убѣдительными. Начать съ того, что фраза, или точнѣе, стихъ, сопровождающій помѣту 1817 г. по содержанію близко подходитъ ко всей элегии, о которой идетъ рѣчь, между тѣмъ какъ отрывокъ фразы, сопровождающій

помѣту 1819 г. дѣйствительно не подходитъ къ элегии, не имѣетъ къ стихотворенію никакого отношенія. Затѣмъ помѣта 1817 г. сдѣлана очень близко къ стихотворенію, между тѣмъ, какъ помѣта 1819 г. написана ниже, отступя отъ стихотворенія и отдѣлена отъ него особой чертой. Правда, что на слѣдующей страницѣ начинается „Платонизмъ“, какъ за двѣ страницы передъ тѣмъ имѣется черновая посланія къ Щербинину, тоже произведенія 1819 г., но вѣдь тутъ же кругомъ мы видимъ наброски къ Руслану и Людмилѣ, несомнѣнно писанные раньше 1819 г.—а черезъ двѣ страницы дальше имѣемъ черновое письмо къ Раевскому, относимое къ 1824 г. Это разнообразіе датъ на сосѣднихъ листахъ одной и той же тетради только показываетъ, какъ осторожно приходится пользоваться этими тетрадями для опредѣленія хронологіи произведеній Пушкина, если въ тетради не дана опредѣленная дата; дальше я буду еще говорить опять объ этомъ. Здѣсь во всякомъ случаѣ двѣ разныя даты на одной страницѣ несомнѣнно показываютъ, что Пушкинъ писалъ на ней и въ 1817 г. и въ 1819 г. Вышеуказанныя соображенія заставляютъ отнести къ стихамъ именно дату 1817 г. вопреки мнѣнію г. Морозова и Библиофила. Кстати сказать, г. Библиофилъ невѣрно читаетъ слова, сопровождающія объ помѣты. Стихъ: „Онъ улетѣлъ прекрасный мигъ любви“ былъ приведенъ въ такомъ видѣ мною въ описаніи рукописей Пушкина; въ этомъ самомъ видѣ его сообщили и г. Морозовъ, и Майковъ. Теперь г. Библиофилъ увѣряетъ, что въ рукописи стоитъ „день любви“, и не „мигъ любви“. Это невѣрно. Въ рукописи стихъ этотъ имѣетъ такой видъ;

(люби)   (мигъ)

Онъ улетѣлъ, прекрасный (день) любви.

Такимъ образомъ, въ рукописи находится и „день“ и „мигъ“, но и то, и другое снова зачеркнуто, затѣмъ зачеркнутъ и весь стихъ. Впрочемъ, разъ поправка „мигъ“ зачеркнута, правильнѣе, пожалуй, братъ уже первоначальную редакцію, какъ это сдѣлалъ г. Библиофилъ, но всегда Библиофилу не слѣдовало безъ оговорки просто отвергать редакцію, взятую Майковымъ, такъ что читатель его рецензіи можетъ подумать, что редакція Майкова не основана нисколько на рукописи. При помѣтѣ 1819 г. въ описаніи рукописей были прибавлены слова: „Я человекъ не свободный“. Такъ эти слова повторилъ г. Морозовъ, такъ ихъ повторяетъ и г. Библиофилъ, но Майковъ (см. матеріалы, стр. 18) прочелъ эти слова иначе и правильнѣе, именно: „Я клялся не свободной“..., къ чему покойный академикъ добавилъ „лирѣ“ и относилъ это къ „Отвѣту на предложеніе написать стихи въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны“.

Далѣе г. Библиофилъ упрекаетъ Майкова за то, что онъ отнесъ къ 1817 г. эпиграмму „Ты правъ, несносенъ Фирсъ ученый“, тогда какъ эта эпиграмма находится между набросками „Руслана и Людмилы“ 1818 г. Опять таки доводъ недостаточный Во-первыхъ, не такъ легко опредѣлить самую хронологію набросковъ къ „Руслану“, а во-вторыхъ, рядомъ съ этой эпиграммой на предшествующей страницѣ находится отрывокъ изъ посланія къ Каверину 1817 г. Вѣроятно въ силу этого Майковъ и рѣшилъ оставить эпиграмму подъ 1817 г., куда ее впервые отнесло изданіе 1880 г. Такимъ образомъ, мы видимъ, что утверженіе г. Библиофила, будто хронологія академическаго Пушкина „въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе, чѣмъ сомнительна“, остается вовсе не доказаннымъ, и напротивъ его хронологія въ случаяхъ, имъ выдвинутыхъ, представляется сомнительной.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ замѣчаніямъ Библиофила, которыя выходятъ за предѣлы лицейскихъ стихотвореній Пушкина.

Библиофилъ утверждаетъ, что стихотворная записка Пушкина къ Жуковскому („Раевскій молоденецъ прежній“) должна быть отнесена не къ 1818 г., а къ 1819 г., такъ какъ въ ней упоминается о французской повѣсти „Борисъ“, взятой Пушкинымъ у Жуковскаго, а между тѣмъ эту повѣсть Вяземскій прислалъ Жуковскому въ 1819 г. Это указаніе само по себѣ, конечно, не имѣло бы значенія, такъ какъ Жуковскій могъ имѣть повѣсть и помимо Вяземскаго, но дѣло то въ томъ, что сама повѣсть „Борисъ“ вышла на свѣтъ только въ 1819 г. Такимъ образомъ, это замѣчаніе г. Библиофила по существу правильно, хотя надо добавить, что г. Ефремовъ объединивъ двѣ записки Пушкина къ Жуковскому подъ общимъ заглавіемъ поставилъ внизу помѣту: 1818—1819.

Дальше, г. Библиофилъ останавливается на хронологіи пьесъ „Доридъ“ и „Дорида“. Обыкновенно обѣ эти пьесы печатались подъ 1819 г. П. А. Ефремовъ, слѣдуя, кажется, указанію Л. Н. Майкова, перенесъ первую изъ нихъ въ 1819 г. Это не удовлетворяетъ г. Библиофила, и онъ требуетъ перенесенія въ 1819 г. и пьесы „Дорида“, такъ какъ черновой набросокъ этой пьесы находится все въ той же тетради, и черезъ двѣ страницы слѣдуетъ посланіе къ Орлову 1819 г. Но достаточное ли это основаніе? Почему же переносить пьесу въ 1819 г., когда и передъ нею и послѣ нея идутъ наброски не позднѣе 1818 г., когда за два листа передъ тѣмъ мы находимъ пьесу 1815 года? Надо имѣть въ виду, что обѣ пьесы „Доридъ“ и „Дорида“ самимъ Пушкинымъ отнесены къ 1820 г. и отвергать хронологію, указанную самимъ поэтомъ, можно лишь на несомнѣнныхъ данныхъ, напр. на основаніи точной даты рукописи. Г. Ефремовъ

перенесъ пьесу „Доридѣ“ въ 1819 г., вѣроятно на основаніи такого соображенія: пьеса эта была напечатана въ январьской книжкѣ Невскаго Зрителя, носящей цензурную помѣту 6 января, тогда какъ „Дорида“ напечатана въ слѣдующей книжкѣ журнала, разрѣшенной цензоромъ 11 февраля. Очевидно, что это обстоятельство и могло заставить перенести „Доридѣ“ въ конецъ 1819 г., но тутъ нѣтъ основаній для такого же переноса „Дориды“. Мнѣ кажется, что и пьесу „Доридѣ“ слѣдовало бы оставить подъ 1820 г. Повторяю, хронологію самого Пушкина можно мѣнять только на основаніи безспорныхъ, несомнѣнныхъ данныхъ. А между тѣмъ развѣ мы не можемъ предположить, что маленькая пьеска въ шесть строкъ могла быть окончательно отдѣлана или даже прямо написана между 1 и 5 января? Да развѣ не могъ кромѣ того издатель журнала доставить въ цензуру нѣкоторыя вещи позднѣе 6 января для дополнительнаго разрѣшенія? Мы находимъ въ той же книжкѣ журнала въ отдѣлѣ „политическихъ новостей“ извѣстіе изъ Парижа отъ 9 генваря, т. е. по старому стилю отъ 28 декабря: очевидно, что это извѣстіе не могло попасть въ цензуру въ Петербургѣ до 6 января. Подобные же случаи имѣются и въ другихъ книжкахъ журнала. Такимъ образомъ, мы не только не видимъ основаній къ переносу въ 1819 г. еще и „Дориды“, но думаемъ, что и перенесенія „Доридѣ“ вполнѣ можно не дѣлать.

Надо согласиться съ указаніемъ Библиофила, что на основаніи письма Тургенева „Оду вольность“ слѣдуетъ перенести въ 1819 г. Зато никакъ нельзя согласиться, будто пьесы: „О дѣва-роза“, „Фонтану Бахчисарайскаго Дворца“ и „Виноградъ“ должны быть перенесены изъ 1820 г. въ 1824 г. Библиофилъ заявляетъ: „эти три стихотворенія находятся въ тетради, въ которой нѣтъ ни строчки, написанной раньше 1824 г.“ „Если бы это дѣйствительно было такъ, то и тогда мы могли бы признать, что три эти стихотворенія написаны раньше, но къ тому же это и не такъ: въ данной тетради эпиграмма на Воронцова и нѣкоторые наброски къ Евгенію Онѣгину должны быть относимы ко времени до 1824 г., и тутъ же находимъ „Гробъ Анакреона“ 1815 г. Не надо забывать, что всѣ три пьесы отнесены къ 1820 г. самимъ Пушкинымъ. Повторяемъ, изъ тетрадей Пушкина, помимо точныхъ датъ, очень трудно извлекать прямыя хронологическія указанія: поэтъ очень часто писалъ не подрядъ такъ какъ онъ записывалъ что нибудь въ тетрадь, потомъ оставлялъ ее и принимался за ту-же тетрадь послѣ большаго промежутка времени или наоборотъ случайно бралъ тетрадь почти уже исписанную много раньше и заносилъ въ нее что нибудь черезъ промежутокъ въ нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, тетради Пушкина сами по себѣ, помимо точныхъ датъ, въ нихъ встрѣчающихся, не могутъ давать непрерыв-

каемыя хронологическія указанія, такія указанія которыя можно бы противопоставлять хронологіи установленной самими поэтомъ. Надо еще имѣть въ виду, что Пушкинъ обращался къ отдѣлкѣ своихъ произведеній очень часто черезъ значительный промежутокъ времени, причемъ иногда исправленное стихотвореніе сохраняло свою первоначальную хронологическую дату, а иногда мѣняло ее на новую, обозначающую уже время исправленія. Отъ чего же зависѣло сохраненіе или измѣненіе даты? Тутъ вліяло, конечно, то соображеніе, было ли исправляемое произведеніе раньше опубликовано, но въ общемъ помимо этого, вообще вопросъ о датѣ рѣшался очевидно по степени передѣлки, въ зависимости отъ того, было ли это исправленіе прежняго стихотворенія, или прежнее стихотвореніе послужило только матеріаломъ для новаго произведенія. Поэтъ не могъ не чувствовать, къ какому именно времени относится наибольшее творческое напряженіе, давшее тонъ и смыслъ стихотворенію, и согласно съ этимъ мѣнялъ или оставлялъ хронологическую дату. Изъ всего сейчасъ сказаннаго очевидно, что нахожденіе извѣстнаго стихотворенія Пушкина въ его тетради, относящейся къ опредѣленному времени, не можетъ само по себѣ, помимо другихъ данныхъ, служить всегда твердымъ руководствомъ къ опредѣленію хронологіи. Мы можемъ встрѣтить въ тетрадяхъ поэта рядомъ наброски такихъ произведеній, которыя и по датѣ своего созданія, и даже по времени записи въ данную тетрадь могутъ отстоять другъ отъ друга на промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ. При такихъ условіяхъ, невозможно противопоставлять хронологическія соображенія, основанныя на тетрадяхъ, хронологіи, указанной самимъ Пушкинымъ. Въ частности здѣсь надо еще имѣть въ виду, что именно въ 1824 и 1825 г. поэтъ много своихъ болѣе раннихъ произведеній исправлялъ для изданія 1826 г. Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ правъ не г. Библиофилъ, а г. Морозовъ, пользовавшійся рукописями Пушкина, и остававшій всѣ эти три названныя пьесы подъ 1820 г. ¹⁾.

V.

Вопросы о хронологіи произведеній Пушкина задержали насъ слишкомъ долго. Спѣшу перейти къ вопросамъ текста и останюлюсь только на главнѣйшихъ замѣчаніяхъ г. Библиофила, основывающихся на московскихъ рукописяхъ. Между прочимъ онъ даетъ дополнительные стихи къ посланію „Къ

¹⁾ Въ „Сборникѣ“ Майкова „Виноградъ“ и „Дѣва—роза“ оставлены подъ 1820 г. „Фортану“ перенесено подъ 1824 г. Эта непоследовательность зависитъ отъ недостаточной обработки матеріаловъ.

гр. О". (гр. Олизару, Русскій Архивъ 1902 г., II, стр. 265) и „Бовѣ“. На этихъ добавленіяхъ я не останавливаюсь и отмѣчу только, что неясно, на какой „автографъ“ Бовы ссылается г. Библиофилъ. До сихъ поръ извѣстенъ былъ въ автографѣ лишь небольшой отрывокъ, принадлежавшій Л. Н. Майкову, который имъ и пользовался для академическаго изданія. Автографа этого я не знаю, но позволительно сомнѣваться, что бы въ немъ Майковъ пропустилъ четыре стиха.

Слѣдующее замѣчаніе по Пушкинскому тексту также относится къ академическому изданію. Библиофилъ утверждаетъ, что въ новомъ изданіи въ пьесѣ „Моему Аристарху“ повторена *опечатка* Майкова „И не для имени поэта“, тогда какъ въ рукописи читается: „То не для имени“... Впервые этотъ стихъ былъ напечатанъ мною въ Русской Старинѣ именно въ томъ видѣ, какъ его указываетъ г. Библиофилъ, и въ этомъ же видѣ стихъ повторенъ въ изданіи Литературнаго фонда. Однако иная редакція стиха, данная Майковымъ, правильнѣе: въ рукописи „То“ зачеркнуто и сверху приписано—„И“.

Въ наброскѣ: „Позволь душѣ моей открыться предъ тобою“ предпоследній стихъ былъ напечатанъ г. Морозовымъ: „Я не рожденъ для дружбы, для *заботъ*“ и въ такомъ видѣ онъ повторенъ и въ новомъ изданіи. По правильному указанію г. Библиофила слѣдуетъ читать: „для дружбы, для *забавъ*“.

Въ наброскѣ „И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ“... г. Библиофилъ предлагаетъ слѣдующую поправку на основаніи рукописей: Стихъ 5-й напечатанъ: „*Но слушай*, чувство есть другое“ — поправка: „*Но знаю* чувство я другое“... То, что напечатано у П. А. Ефремова согласуется съ рукописью; есть въ ней и предлагаемое: „Я знаю“..., но только оно зачеркнуто.

Въ наброскѣ „Какъ сладостно, но—боги!—какъ опасно“ новое изданіе, опять вслѣдъ за г. Морозовымъ, печатаетъ: „*Забуду* ль я улыбку“. Библиофилъ увѣряетъ, что въ рукописи читается: „Могу ль забыть улыбку“... На самомъ дѣлѣ „Забудуль я“ въ рукописи зачеркнуто, сверху начаты поправки „забуду ли“—„могу ль“—но обѣ поправки зачеркнуты и первоначальная редакція восстановлена. „Могуль забыть“ было внесено поэтомъ въ слѣдующій стихъ, но зачеркнуто тамъ и дана поправка: „И огненный“; поправка не зачеркнута, хотя и первая редакція восстановлена. Такимъ образомъ, хотя г. Библиофилъ предлагаетъ внести поправку, которая имѣется въ рукописи, но все таки его чтеніе неправильно, а чтеніе г. Морозова и новаго изданія оказывается правильнѣе.

Въ началѣ посланія къ Вяземскому новое изданіе даетъ второй стихъ въ томъ видѣ, какъ его напечаталъ г. Барте-

невъ и повторилъ г. Морозовъ (хотя еще раньше выхода изданій 1887 г. въ печати было указано, что чтеніе это не точно, именно, что слово „умомъ“ вставлено вмѣсто неразобраннаго слова): „И блескомъ, и умомъ, и чувствами богатый“. Теперь г. Библиофилъ утверждаетъ, что въ рукописи стоитъ: „И блескомъ колкихъ словъ“... Дѣйствительно, есть и это чтеніе въ рукописи, но его трудно безусловно принять за окончательную редакцію. Вотъ какъ эта строка читается въ рукописи:

И блескомъ (вольн.) (колкихъ словъ) (мыслями)
 (И смѣлой вольностью) и (шутками) богатый
 (колк.)

Такимъ образомъ, первоначально былъ написанъ цѣликомъ стихъ: „И смѣлой вольностью, и шутками богатый“, затѣмъ начаты поправки, но не кончены, зачеркнуты. Библиофилъ беретъ эти зачеркнутыя поправки, а Майковъ предпочиталъ въ данномъ случаѣ взять стихъ въ первоначальной редакціи, хотя и также зачеркнутой, но цѣльной.

Въ наброскѣ „Ты правъ, мой другъ!“ въ четвертой строфѣ третій стихъ напечатанъ такъ: „Въ ней чувства нѣтъ уже“... Библиофилъ заявляетъ, что слово *уже* лишнее, но такъ значитъ въ рукописи. Въ послѣднемъ стихѣ совершенно правильно замѣнить „Ужасный опытъ“ посредствомъ „угрюмый“.

Мы разсмотрѣли всѣ случаи, когда г. Библиофилъ предлагаетъ поправки текста новаго изданія на основаніи московскихъ рукописей: мы видимъ, что иногда его поправки основательны, но большею частью, въ той безусловной формѣ, въ какой онѣ высказаны, онѣ невѣрны, а иногда и прямо противорѣчатъ рукописямъ. Въ общемъ выводѣ, если мы должны быть благодарны г. Библиофилу за немногія правильныя поправки, надо признать, что нападки г. Библиофила на новое изданіе, (т. е. въ сущности, при данныхъ условіяхъ, на изданіе Литературнаго Фонда) преувеличены, и г. Морозовъ далеко не такъ виноватъ, какъ это хотѣлъ показать г. Библиофилъ.

VI.

Разбирая замѣчанія г. Библиофила, мы довольно долго останавливались на частностяхъ, которыя интересны, какъ мнѣ казалось, сами по себѣ, но которыя собственно говоря, мало даютъ для оцѣнки новаго изданія: почти по всѣмъ вопросамъ, затронутымъ г. Библиофилѣмъ, новое изданіе можно будетъ судить только по выходѣ восьмага тома съ примѣчаніями, въ которыхъ будутъ объяснены „всѣ безъ исключенія поправки и измѣненія“, допущенныя въ новомъ изданіи.

Не останавливаясь больше на частностяхъ, я долженъ сказать что общее впечатлѣніе отъ просмотра вышедшихъ томовъ новаго изданія Пушкина получается самое благоприятное. Читатель не можетъ не чувствовать постоянно очень внимательной редакторской работы. Это видно и по новой провѣркѣ текста по первоизданіямъ съ возстановленіемъ особенностей Пушкинской орѳографіи, и по введенію новаго матеріала, который былъ за послѣдніе годы разсѣянъ по разнымъ изданіямъ, иногда мало извѣстнымъ публикѣ, а теперь впервые соединенъ вмѣстѣ. Заслуживаетъ вниманія и новое распредѣленіе матеріала. И въ прежнихъ изданіяхъ г. Ефремова, и въ изданіи Литературнаго Фонда часть стихотвореній оставалась въ письмахъ, среди прозаическихъ произведеній Пушкина, часть черновыхъ набросковъ разноразлична по примѣчаніямъ и дополненіямъ. Въ новомъ изданіи всѣ стихотворенія помѣщены на свои мѣста въ общемъ хронологическомъ порядкѣ, а въ письмахъ и въ прозаическихъ произведеніяхъ они, очевидно, будутъ повторены. Черновые наброски опять таки или распредѣлены по своимъ мѣстамъ на основаніи хронологіи, или отчасти соединены въ концѣ каждаго года, но не въ примѣчаніяхъ, а тутъ же въ текстѣ, и пр. ¹⁾ Указанные приемы и дѣлаютъ то, что новое изданіе даетъ намъ въ послѣдовательномъ порядкѣ текстъ Пушкина въ такой полнотѣ, въ какой мы не имѣли его, въ прежнихъ изданіяхъ. У читателя, имѣющаго возможность удобно слѣдить за разнообразіемъ и перемѣной настроенія въ творчествѣ Пушкина, получается сильное и очень цѣнное впечатлѣніе свѣжести; даже тѣ вещи, которые читатель зналъ по прежнимъ изданіямъ, но разбросанными, раздѣленными, производятъ на него при постановкѣ на свое мѣсто, впечатлѣніе новизны, помимо уже того, что изданіе соединило многое, что въ прежнія изданія не входило. Надо оговорить, что новое изданіе, какъ это было уже упомянуто выше, допустило нѣкоторые пропуски, пополненіе которыхъ и объясненіе мы найдемъ конечно, въ примѣчаніяхъ, но о которыхъ тѣмъ не менѣе можно пожалѣть именно въ виду такъ удачно и въ общемъ такъ послѣдовательно примѣненнаго способа хронологическаго распредѣленія всего матеріала. Точно такъ же слѣдуетъ пожалѣть и о томъ, что П. А. Ефремовъ, возстановившій въ изданіи 1880 г. общій хронологическій порядокъ распредѣленія произведеній Пушкина, согласно съ тѣмъ, какъ это сдѣлалъ самъ поэтъ въ своемъ изданіи, — слѣдуетъ пожалѣть, что г. Ефремовъ теперь отказался отъ

¹⁾ Новое изданіе внесло въ текстъ „Евгенія Онѣгина“ пропущенныя строфы, отмѣтивъ ихъ тѣмъ, что отодвинуло ихъ текстъ нѣсколько въ правую сторону, но такое отличіе недостаточно. Удобнѣе отличены строфы, внесенныя въ текстъ годовщины „19 октября 1825 г.“: онѣ тамъ набраны петитомъ.

этого распредѣленія и раздѣлилъ стихи Пушкина на лирическія произведенія, на поэмы и драмы.

Внѣшность изданія очень хорошая. Оно напечатано на хорошей бумагѣ, крупнымъ шрифтомъ въ красивомъ и удобномъ форматѣ. Согласно желанію самого Пушкина, и согласно употреблявшемуся самимъ поэтомъ приему, въ новомъ изданіи почти всякое стихотвореніе начинается съ новой страницы: это не только красиво, но отчасти содѣйствуетъ болѣе удобному пользованію книгой, болѣе цѣльному впечатлѣнію отъ читаемаго. Но опять надо оговорить, что стихотворенія, соединяемыя подъ общимъ заглавіемъ— „эпиграммы“ или „наброски“, печатаются подрядъ одно за однимъ; наконецъ, вовсе не слѣдовало бы новый годъ начинать на лѣвой страницѣ. Но во всякомъ случаѣ по своей внѣшности новое изданіе красивѣе академическаго и вообще лучше прежнихъ изданій, не говоря уже о тѣхъ дешевыхъ изданіяхъ, которыя, въ послѣднее время одни только и имѣлись на книжномъ рынкѣ. Очень пріятная особенность изданія— воспроизведеніе передъ поэмами Пушкина факсимиле подлинныхъ заглавныхъ листовъ оригинальныхъ Пушкинскихъ изданій.

Къ первому тому приложенъ портретъ Пушкина съ Тропинина, въ офортѣ М. А. Рундальцева. Гравюра исполнена очень хорошо и въ общемъ вѣрно передаетъ впечатлѣніе подлинника.

Въ итогѣ, новое изданіе вполне отвѣчаетъ современному положенію дѣлъ, отвѣчаетъ давно сознаной потребности въ такомъ изданіи Пушкина, которое свело бы достигнутые результаты, дало бы всѣ обнародованные матеріалы, представило бы намъ Пушкина въ томъ видѣ, какимъ мы можемъ знать его теперь. Но правильно поставленное по своей задачѣ собрать все появившееся до сихъ поръ въ печати съ именемъ Пушкина и достовѣрно ему принадлежащее,— новое изданіе еще болѣе выигрываетъ въ существенныхъ частностяхъ отъ примѣненныхъ къ нему приемовъ редакторской работы, отъ постоянного и зоркаго веденія дѣла такимъ опытнымъ и заслуженнымъ специалистомъ. Общее впечатлѣніе отъ новаго изданія: свѣжесть матеріала и внимательная редакторская работа. Изданіе несомнѣнно потребовало значительнаго и напряженнаго труда, который чувствуется читателемъ и который будетъ оцѣненъ другими, теперь уже многочисленными специалистами, работающими надъ изученіемъ и установленіемъ текста Пушкина. Мы должны быть глубоко благодарны П. А. Ефремову за его трудъ и желать ему скорѣйшаго и столь же успѣшнаго довершенія предпринятаго изданія.

В. Якушкинъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНИЕ

Русскаго Библиологическаго Общества

Томъ V

1903

Книжка I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Э. Винке, Екатерингофскій просп., д. № 15.

1903.